

УДК 343.9(470.41)

И.М. ГАРИПОВ,

соискатель

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИМИНАЛЬНОГО КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

(результаты статистического наблюдения за период 2007–2009 гг.)

В статье рассматриваются закономерности изменения качественных и количественных показателей жертвоприношения коррупции в Республике Татарстан за период с 2007 по 2009 гг. Рассматриваются взаимосвязанные показатели – количество жертв криминального коррупционного поведения и размер причиненного им вреда на основе региональных статистических показателей.

Коррупция как исторически изменчивое негативное явление сферы социального управления известна давно. Она сопровождает системы социального управления различных государств длительное время, трансформируя их под собственные интересы и препятствуя их поступательному развитию. В результате увеличения коррупционной составляющей в государственных и муниципальных органах власти и иных органах системы управления происходит снижение эффективности социального управления, увеличиваются материальные издержки на обеспечение их функционирования, снижается престиж государственной и муниципальной службы, а также авторитет государства и его органов на международном уровне. И как следствие, современная коррупция из национальных проблем перешла в разряд глобальных, транснациональных, препятствующих нормальному международному сотрудничеству в различных сферах жизнедеятельности и приносящих невосполнимый ущерб мировому развитию.

В отечественных гуманитарных науках проблема коррупционного поведения в обществе на протяжении последних пятнадцати–двадцати лет изучается постоянно, интенсивно, последовательно и системно. В отечественных средствах массовой коммуникации появляются материалы журналистских расследований коррупционного поведения и коррупционной преступной дея-

тельности, публикуется достаточное количество регулярно обновляемых социологических данных о состоянии коррупции в России [1; 2; 3; 4] и ее регионах [5; 6; 7]. Подготавливаются и публикуются специальные отчеты или доклады уполномоченных на то региональных государственных органов о состоянии коррупции, причинах ее существования и мер реализации антикоррупционной политики [8–12].

Российскими исследователями коррупционного поведения в рассматриваемый период подготовлено и издано множество различных по содержанию и качеству научных и учебных работ по данной проблематике, даже возникли и развиваются идеи о формировании новых научных направлений, исследования коррупции специалистами различных отраслей гуманитарного знания. В современных российских научных федеральных и региональных изданиях публикуется достаточное количество данных научных исследований коррупционного поведения в различных сферах социального управления. В начале XXI в. специалистами отмечается значительное ухудшение количественных показателей коррупционного поведения, возрастание его общественной опасности (вредоносности), латентности и распространенности. И, как реакция на это, отечественными специалистами начинается интенсивная разработка новых научных направлений, в которых коррупция и различные формы

ее проявления являются базовым предметом гуманитарных исследований.

Российские социологи в рамках социологии девиантного (отклоняющегося) поведения предлагают разрабатывать такое направление, как социология коррупции [13]. Специалистами в области экономики проводятся исследования в области «Политэкономии коррупции» [14]. Юристами предлагаются другие интересные и перспективные направления исследования этого явления – корруптология [15], антикоррупционная экспертология [16], криминология коррупции [17] и виктимология коррупции [18], или коррупционная виктимология [19]. При этом необходимо отметить, что названные научные направления начали разрабатываться лишь в начале наступившего XXI в. и требуют довольно длительного промежутка времени их формирования.

В современных условиях, когда проблеме противодействия коррупции в России уделяется особое внимание правящей политической элитой и главой государства, не воспользоваться шансом глубокой разработки этой проблемы, значит поступить опроретчиво. Ведь никому не известно, на какое время хватит энтузиазма на поддержку исследований коррупции со стороны «заинтересованных заказчиков» – государства, его институтов и высших должностных лиц.

Обращаясь к предмету своего исследования, жертвам криминального коррупционного поведения, необходимо отметить, что на потребности их изучения в рамках криминологических исследований уже около десяти лет обращают внимание отечественные специалисты [20; 21]. Однако до настоящего времени крупных виктимологических исследований этого феномена с использованием официальных статистических данных не проводилось. Имеются лишь отдельные публикации отечественных специалистов по некоторым частным вопросам виктимологии коррупции, в которых остаются за пределами научного анализа не только статистические показатели, но и базовые термины: «жертва коррупции», «виктимность», «виктимологические факторы коррупции». До сих пор не опубликовано ни одного результата научного исследования по виктимологической характеристике криминального коррупционного поведения за относительно

длительный период (3–5 лет), основанного ни на федеральных статистики, ни на региональных статистических данных. С учетом изложенного и в силу ряда обстоятельств объективного и субъективного порядка, о которых будет сказано ниже, мы обратимся лишь к описанию и объяснению некоторых закономерностей виктимного поведения жертв криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан за относительно непродолжительный период с 2007 по 2009 гг. При этом мы отчетливо представляем степень полноты и достоверности этих данных региональной виктимологической статистики, поскольку критическое отношение к современной официальной виктимологической статистике уже высказали отдельные авторитетные российские криминологи [22].

Выбор территориальных и хронологических рамок исследования жертв криминального коррупционного поведения обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, отсутствием опубликованных данных официальной федеральной статистики, с помощью которых можно было бы провести всесторонний криминологический анализ жертв криминального коррупционного поведения; во-вторых, открытостью и доступностью для автора исследования республиканских документов первичного статистического учета, содержащих данные виктимологического характера; в-третьих, наличием на региональном уровне электронных форм статистического учета жертв преступлений, в том числе и криминального коррупционного поведения, которые можно анализировать с применением современного информационного (программного) обеспечения; в-четвертых, активной поддержкой региональных органов государственной власти Республики Татарстан научных исследований, связанных с исследованием коррупции, в том числе и ее виктимологической составляющей, причин криминального коррупционного поведения и выработкой мер по его нейтрализации.

В общей структуре преступности в Республике Татарстан криминальное коррупционное поведение за рассматриваемый нами период составило 1 811 преступление, то есть 0,001% от общего количества зарегистрированных преступлений. При этом в 2007 г. фактов криминального коррупционного поведения было зарегистрировано 572,

в 2008 г. – 636, а в 2009 г. – 603. Просматриваются колебания зарегистрированных коррупционных преступлений, которые, на наш взгляд, отражают не столько реальное положение в сфере коррупционной активности республиканского чиновничества, сколько интенсивность работы правоохранительных органов в этом направлении.

За этот же период на территории республики жертвами криминального коррупционного поведения было признано и учтено 327 потерпевших. Из них в 2007 г. – 100 жертв, в 2008 г. – 111, а в 2009 г. – 116. Отмечается устойчивая тенденция роста количества жертв криминального коррупционного поведения, хотя их доля в общей структуре жертв криминального поведения в Республике Татарстан не превышает 0,2%.

Необходимо отметить, что причиненный материальный ущерб жертвам криминального коррупционного поведения в рассматриваемый период составил 75 773 536 руб. При этом в 2007 г. он был равен 26 200 074 руб., в 2008 г. – 39 073 899, а в 2009 г. – 10 499 563. Здесь очевидна тенденция – при снижении количества выявленных коррупционных преступлений снижается и общий размер материального ущерба, причиненного криминальной коррупционной деятельностью.

Следует обратить внимание на противоречивость статистических закономерностей (тенденций) криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан в рассматриваемый нами период. Очевидно, происходит снижение интенсивности деятельности правоохранительных органов по борьбе с криминальным коррупционным поведением. Эта тенденция выражается в следующем: а) в уменьшении выявленных коррупционных преступлений на территории республики в 2009 г. по сравнению с предыдущим годом на 33 преступления, или 5,2%; б) в уменьшении размера причиненного коррупционными преступлениями материального вреда в 2009 г. по сравнению с предшествующими 2008 г. в 3,7 раза и 2007 г. – в 2,5 раза. Можно предположить, что правоохранительные органы Республики Татарстан стали выявлять не только меньше коррупционных преступлений, но и выявлять менее опасные коррупционные преступления, не причиняющие существенный ущерб интересам государства и общества.

Важнейшим показателем виктимологической характеристики криминального коррупционного поведения является структура жертв этого сложного явления. В анализируемый период в рассматриваемом нами субъекте Российской Федерации среди жертв криминального коррупционного поведения 222 потерпевших являлись физическими, а 105 – юридическими лицами. Соотношение первой категории жертв со второй показывает, что физические лица более чем в 2 раза чаще становятся жертвами криминального коррупционного поведения, чем юридические.

Вместе с тем, как свидетельствуют официальные региональные статистические показатели, материальный ущерб, причиненный юридическим лицам, составил 72 578 653 руб., а физическим – 3 194 882. Соотношение этих показателей 1 к 22,5.

Несомненно, важнейшим показателем жертвоприношения коррупции является среднеарифметический размер материального вреда, причиненного в расчете на одну жертву криминального коррупционного поведения. Этот показатель по Республике Татарстан в рассматриваемый период составил: для юридических лиц 691 225 руб., а для физических – 14 391, что в 48 раз ниже аналогичного показателя для юридических лиц.

Официальные региональные статистические показатели виктимности жертв криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан свидетельствуют, что наиболее часто жертвами этого явления выступают физические лица. Однако более всего материальный ущерб этим явлением причиняется не им, а юридическим лицам.

В отечественной криминологии принято структурно выделять криминальное коррупционное поведение на множество самостоятельных видов по различным основаниям. При этом при исследовании криминального коррупционного поведения наиболее распространенным является классификация коррупции по субъектам коррупционного поведения [23]. По этому основанию можно классифицировать и жертв криминального коррупционного поведения на два вида или группы: а) жертв коррупции внутри хозяйствующего субъекта или между хозяйствующими субъектами (корпоративной [24; 25], коммерческой [26] или внутрифирменной [27; 28]) и б) жертв государ-

ственной коррупции, то есть коррупционного поведения государственных и муниципальных служащих [2; 29; 30]. В процессе исследования мы будем использовать указанные выше термины с учетом их общепринятого содержания. Учитывая степень распространенности виктимологического анализа жертв криминального коррупционного поведения, не будем и мы отходить от устоявшейся научной традиции в изложении характеризующих это явление данных [31; 32; 33; 34], тем более что ее уже мы использовали ранее в своих исследованиях, перенимая опыт предшественников [35].

В общей структуре жертв криминального коррупционного поведения в рассматриваемый период наиболее уязвимыми выглядят жертвы коммерческого или внутрифирменного криминального коррупционного поведения (ст. ст. 201, 202 и 204 УК РФ). Хотя их в общей структуре криминального коррупционного поведения насчитывается всего 96 потерпевших, или 29,3% от их общего количества. При этом жертвы коммерческого криминального коррупционного поведения зарегистрированы неравномерно: в 2007 г. – 53 потерпевших, в 2008 г. – 19, а в 2009 г. – 24.

Если взять другой показатель, размер причиненного материального вреда, то он составил в рассматриваемый период 66 777 085 руб., или 88,1% из всего объема издержек попавшего в республиканскую виктимологическую статистику. По годам он выглядит следующим образом: в 2007 г. – 22 858 339 руб., в 2008 – 34 591 126 руб., а в 2009 г. – 9 327 620 руб. Здесь необходимо отметить резкое, в 3,7 раза, снижение размера причиненного вреда по сравнению с предыдущим 2008 г. и снижение в 2,4 раза этого показателя по сравнению с 2007 г.

Особый интерес вызывает еще один показатель – среднеарифметический размер материального ущерба на одну жертву, который составил в рассматриваемый нами период 695 595 руб. При этом его динамические показатели выглядят следующим образом: в 2007 г. – 431 289 руб. на одну жертву, в 2008 г. – 1 820 586 руб., или рост в 4,2 раза, а в 2009 г. – 388 651 руб., или снижение по сравнению с предыдущим годом в 4,7 раза и даже с 2007 г. на 10%.

Структурный состав жертв криминальной коммерческой коррупции выглядит следующим обра-

зом: 38 жертв – это юридические лица и 58 – физические лица. При этом очевидна стабильность в отношении жертв криминальной коммерческой коррупции юридических лиц – в 2007 и 2009 гг. их регистрировалось по 11 потерпевших в год, а в 2008 г. – 16. Тогда как с физическими лицами, признанными потерпевшими, дело обстоит несколько иначе. Если в 2007 г. было учтено 43 потерпевших, то в следующем 2008 г. – лишь 3, а в 2009 г. – уже 13.

Общий объем материального ущерба между ними распределен также неравномерно. На долю юридических лиц ущерб составил 64 061 049 руб., а на долю физических – 2 426 036 руб. Соотношение размера причиненного материального ущерба между юридическими и физическими лицами составляет 31 к 1. Если брать изменение этого показателя по годам, то можно увидеть следующее: в 2007 г. юридическим лицам жертвам коммерческой коррупции был причинен ущерб на сумму 22 559 073 руб., в 2008 г. – 33 591 126 руб., в 2009 г. – 7 910 850 руб. И здесь, в последний год, происходит резкое снижение количественного показателя – размера причиненного материального ущерба жертвам от криминального коммерческого коррупционного поведения.

Если же обратиться к данному показателю в отношении физических лиц, признанных потерпевшими от криминального коммерческого коррупционного поведения, то здесь обнаружим противоположную картину – постоянное увеличение материального ущерба этой категории жертв коррупционного поведения. Если в 2007 г. размер материального ущерба этой категории жертв составил 299 266 руб., то в 2008 – 710 000, или более чем 2,3 раза по сравнению с предыдущим годом. В 2009 г. размер материального ущерба жертвам криминального коммерческого коррупционного поведения составил 1 416 770 руб. и превысил аналогичный показатель 2007 г. более чем в 4,7 раза и почти в 2 раза – показатель предыдущего года. Чем вызвано такое поведение участников криминального коммерческого коррупционного поведения, однозначно сказать сложно. Хотя попытки объяснить это явление уже были. Так, Г.И. Райков и Д.К. Чирков объясняют этот феномен увеличением рисков быть привлеченным к уголовной ответственности за коррупционные правонарушения, вызванных

активизацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией [36]. Возможно, это и так, но нам представляется, что причины таких закономерностей значительно глубже и более разнообразны.

Среднеарифметический размер материального ущерба на одну жертву корпоративного коррупционного поведения за рассматриваемый период на территории Республики Татарстан составляет на юридическое лицо – 1 685 817 руб., а на физическое лицо – лишь 41 828 руб. Эти важные показатели (средние статистические величины) соотносятся между собой как 40 к 1. Исследование среднеарифметического размера материального ущерба на одну жертву корпоративного коррупционного поведения в динамике отражает общие тенденции – рост на протяжении двух первых лет и резкое снижение в 2009 г. Официальные статистические сведения отразили в 2007 г. анализируемый нами среднеарифметический показатель на одну жертву коммерческого коррупционного поведения юридическое лицо – 2 050 825 руб., в 2008 г. – 2 117 570, а в 2009 г. – лишь 719 168 руб., или снижение рассматриваемого показателя почти в три раза. Если же анализируемый нами показатель применить к физическим лицам, жертвам криминального коммерческого коррупционного поведения, то мы обнаружим несколько иные закономерности.

Так, если в 2007 г. среднеарифметический показатель материального ущерба на одну жертву криминального коммерческого коррупционного поведения (физическое лицо) составил лишь 7 125 руб., то уже в 2008 г. этот показатель резко увеличился и составил 236 667 руб., или возрос более чем в 33 раза по сравнению с предыдущим годом. В 2009 г. этот показатель составил 108 982 руб., или в 15 раз выше аналогичного показателя 2007 г., но в 2 раза ниже, чем аналогичный показатель 2008 г.

Завершая исследование статистических закономерностей, характеризующих жертвы криминального коммерческого коррупционного поведения, необходимо отметить, что на формирование официальных статистических данных влияет большое количество факторов объективного и субъективного характера, однако и имеющиеся свидетельства о том, что этим негативным явлением причиняется существенный матери-

альный ущерб всем субъектам хозяйственных отношений, как юридическим, так и физическим лицам, другое дело, что этот ущерб распределяется не равномерно на всех зарегистрированных и учтенных жертв.

Переходя к рассмотрению виктимологической характеристики «государственной коррупции» на территории Республики Татарстан, необходимо отметить, что за исследуемый период было зарегистрировано и учтено лишь 232 жертвы данного вида коррупционного поведения, или 71% от общего количества жертв криминального коррупционного поведения. При этом отмечается «положительная» динамика рассматриваемого нами явления. Если в 2007 г. жертвами «государственной коррупции» было признано 46 потерпевших, то в 2008 г. их уже стало 92, или в 2 раза больше, тогда как в 2009 г. таковыми было признано 94 потерпевших, и здесь мы видим, хотя и небольшой, но рост.

Особый интерес вызывает структура жертв «государственной коррупции». За анализируемый нами период жертвами рассматриваемого нами вида криминального коррупционного поведения физические лица признавались 164 раза, а юридические лица – 66 раз, то есть физические лица почти в 2,5 раза чаще регистрировались жертвами «государственной коррупции».

Не менее интересна и динамика структурных изменений жертв «государственной коррупции». Так, согласно официальным региональным статистическим данным, в 2007 г. были признаны потерпевшими от «государственной коррупции» 15 юридических лиц и 31 физическое лицо, в 2008 г. – 32 и соответственно 60, а в 2009 г. – 19 и 73. Невзирая на динамическую нестабильность показателей жертв «государственной коррупции» юридических лиц и постоянный рост другой категории жертв – физических лиц, можно с уверенностью говорить о тенденции постоянного увеличения количества жертв «государственной коррупции» и прогнозировать их рост, за счет физических лиц, в недалеком будущем на среднесрочную перспективу.

Рассматривая другой показатель жертвоприношения «государственной коррупции» в Республике Татарстан – размер причиненного материального ущерба, можно отметить, что за исследуемый период он составил 9 078 901 руб. В динамике

этот показатель выглядит следующим образом: в 2007 г. он составил 3 424 185 руб., в 2008 г. – 4 482 773 руб., а уже в 2009 г. – 1 171 943 руб. Если в 2008 г. размер материального ущерба, причиненного «государственной коррупцией», увеличился по сравнению с предыдущим годом на 30%, то уже в 2009 г. он снизился по сравнению с предыдущим годом в 3,8 раза, а по сравнению с 2007 г. – в 2,9 раза.

Ценные сведения о закономерностях развития жертвоприношения «государственной коррупции» в Республике Татарстан в рассматриваемый нами период может заключать в себе показатель среднеарифметического размера материального ущерба на одну жертву, который составил 39 133 руб. Проведенные нами математические расчеты свидетельствуют о том, что этот показатель динамично изменяется, и эту динамику можно признать с одной стороны положительной – снижается вредоносность «государственной коррупции», а с другой отрицательной – правоохранительные органы «запрограммированы» на выявление малозначительных коррупционных преступлений. В подтверждение первого положения можно привести следующие статистические данные: в 2007 г. среднеарифметический размер материального ущерба на одну жертву «государственной коррупции» составил 74 439 руб., а уже в 2008 г. этот показатель снизился до 48 726 руб., и в 2009 г. снижение достигло 12 467 руб.

Несомненную ценность представляют статистические сведения о структуре материального вреда, причиненного жертвам «государственной коррупции» в Республике Татарстан в исследуемый нами период. Наибольший материальный ущерб криминальным коррупционным поведением государственных и муниципальных чиновников причинен юридическим лицам – он составил 8 081 727 руб., в меньшей степени физическим лицам – 997 174 руб. Соотношение этого показателя между рассматриваемыми категориями жертв «государственной коррупции» равно 8 к 1.

Динамика изменения структурных показателей размера материального ущерба, причиненного криминальным коррупционным поведением государственных и муниципальных служащих, свидетельствует об уменьшении размеров материального ущерба, причиняемого как физиче-

ским, так и юридическим лицам. Так, в 2007 г. юридическим лицам от «государственной коррупции» был причинен материальный ущерб в размере 2 978 237 руб., а физическим – лишь 445 948 руб.; в 2008 г. юридическим лицам был причинен материальный ущерб на 4 019 292 руб., а физическим лицам – 463 481 руб.; в 2009 г. этот показатель изменился соответственно на 1 084 198 руб. для юридических лиц и 87 745 руб. для физических лиц.

Общая закономерность ежегодного снижения размера материального ущерба жертвам от «государственной коррупции» отразилась и на среднеарифметических показателях как для юридических, так и для физических лиц. Так, для юридических лиц этот показатель снизился с 198 549 в 2007 г. до 125 603 руб. в 2008 г., или в полтора раза и до 57 063 руб. в 2009 г., или почти в 3,5 раза по сравнению с 2007 г. и в 2,2 раза по сравнению с 2008 г. Для физических лиц среднеарифметический размер материального ущерба также снижался с 14 385 руб. в 2007 г. до 7 725 руб. в 2008 г. и до 1 202 руб. в 2009 г.

Изложенное выше позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, значительная доля жертв криминального коррупционного поведения находится в латентном состоянии, то есть за пределами официальной республиканской криминальной статистики. Их меньше, чем самих коррупционных преступников. Во-вторых, наибольший имущественный ущерб от криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан причиняется юридическим лицам, жертвам коррупционного поведения, а не физическим лицам, невзирая на их количественное превосходство в официальной статистике. В-третьих, наиболее опасно и вредоносно по своим последствиям криминальное коррупционное поведение в коммерческих организациях и иных хозяйствующих субъектах, а не в сфере государственного и муниципального управления. В-четвертых, необходимо изменение стратегии борьбы правоохранительных органов с криминальным коррупционным поведением – с выявления малозначительных деяний на противодействие наиболее опасным и вредоносным формам проявления коррупционного поведения, причиняющим значительный материальный ущерб жертвам.

Список литературы

1. Антикоррупционная политика: учеб. пособие / под ред. Г.А. Сатарова. – М., 2004.
2. Добренев В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию: учеб. пособие. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2009. – С. 29.
3. Корсантия А.А. Коррупционная преступность в Российской Федерации: научный доклад. – М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010.
4. Румянцева Е.Е. Коррупция: война против людей, свободы и демократии (книга о нашей жизни). – М.: ИН-ФРА-М, 2010.
5. Коблова Н.А., Хабибрахманов О.И., Чиков П.В. Коррупция в милиции Татарстана. Причины. Масштабы. Схемы. – Казань, 2003.
6. Комлев Ю.Ю. Коррупция как социальная проблема: вопросы теории и профилактики // Коррупция как социально-правовая проблема современной России: мат-лы круглого стола 24 апреля 2004 г. / под ред. д-ра экон. наук Р.Ф. Муратова, проф. Н.Х. Сафиуллина. – Казань, 2004. – С. 40–44.
7. Салагаев А.Л., Коннов А.Ю. Результаты социологических исследований Центра аналитических исследований и разработок // Социальная ответственность бизнеса и перспектива реформирования административной системы в свете антикоррупционной политики: мат-лы круглого стола 7 апреля 2004 г. / под ред. д-ра экон. наук Р.Ф. Муратова. – Казань, 2004. – С. 56–59.
8. Меры реализации Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан (2005–2010 годы): доклад. – Казань: Отдел по реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан, 2010.
9. Сводный отчет о состоянии коррупции и мер реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2006 г. – Казань: Отдел по реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан, 2007.
10. Сводный отчет о состоянии коррупции и мер реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2007 г. – Казань: Отдел по реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан, 2008.
11. Сводный отчет о состоянии коррупции и мер реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2008 г. – Казань: Отдел по реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан, 2009.
12. Сводный отчет о состоянии коррупции и мер реализации антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2009 г. – Казань: Отдел по реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан, 2010.
13. Сатаров Г.А. Основные задачи и проблемы социологии коррупции // Социология коррупции: мат-лы науч.-практ. конф. 20 марта 2003 г. – М., 2003. – С. 37–41.
14. Юхачев С.П. Политэкономика коррупции – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2008.
15. Иванов А.М. Корруптология – правовая наука и учебная дисциплина: путь совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию. – Владивосток, 2002.
16. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: терминологический словарь / под ред. П.А. Кабанова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2010. – С. 11.
17. Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник / под общ. ред. П.А. Кабанова. – М.: Медиа-Пресс, 2008. – С. 46.
18. Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимология коррупции как частная виктимологическая теория: понятие, предмет и некоторые задачи, связанные с оказанием помощи жертвам коррупции // Следователь. – 2008. – № 5. – С. 43–46.
19. Варчук Т.В., Вишневецкий В.К. Виктимология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева. – М., 2009. – С. 68–69.
20. Гаджиева А.А. Некоторые виктимологические аспекты коррупции // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С. 184.
21. Ривман Д.В. К вопросу о виктимологическом аспекте коррупционных преступлений // Актуальные проблемы антикоррупционной политики на региональном уровне. – СПб., 2001. – Ч. 1. – С. 51–52.
22. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 48.
23. Наумов А. Коррупция: причины возникновения, влияние и методы борьбы // Следователь. – 2010. – № 2. – С. 46.
24. Вафан Дж.Ч. Коррупция в обществе в посткоммунистической России. Институциональные слабости и предлагаемые пути решения // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 103.
25. Казакова М.А. Корпоративная коррупция как один из факторов, влияющий на риск корпоративного мошенничества // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – 4 (12). – С. 65–67.
26. Горелов А.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с «коммерческой» коррупцией // Преступность и коррупция: современные российские реалии: сб. науч. трудов / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2003. – С. 315–328.
27. Панина Т. Взятки на броневиках // Российская газета. – 2004. – 19 мая.
28. Удалова М. Почем народу служебные сладости чиновников // Красноярский рабочий. – 2009. – 6 ноября.
29. Агеев В.Н. Противодействие «государственной коррупции»: зарубежный опыт // Следователь. – 2008. – № 8 (124). – С. 57–60.
30. Талапина Э.В. Государственная коррупция как один из видов коррупции // Право и экономика. – 2006. – № 6. – С. 3–11.
31. Бикмухаметов А.Э., Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционного поведения в Республике Татарстан: криминологический анализ региональной виктимологической статистики (по результатам 2008 года) // Следователь. – 2009. – № 6 (134). – С. 21–22.
32. Газимзянов Р.Р., Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности в Республике Татарстан: криминологическое осмысление статистических показателей // Следователь. – 2008. – № 12 (128). – С. 30–32.

33. Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности: криминологический анализ региональной криминальной статистики (на материалах Республики Татарстан) // Актуальные вопросы правового обеспечения антикоррупционной деятельности в современных условиях: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 2 декабря 2008 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 91–97.

34. Кабанов П.А., Садеев М.М. Жертвы коррупции в Республике Татарстан: анализ виктимологической статистики за 2008 год // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 3. – С. 129–131.

35. Гарипов И.М., Кабанов П.А., Садеев М.М. Криминологическая характеристика жертв коррупционной преступности в Республике Татарстан: анализ статистических показателей за 2008 год // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики: мат-лы «круглого стола», проведенного 20 ноября 2009 г. / под ред. д-ра юрид. наук, доц. А.А. Юнусова. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2009. – Вып. 4. – С. 42–45.

36. Райков Г.И., Чирков Д.К. Коррупционный риск как следствие борьбы с коррупцией на современном этапе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 93.

В редакцию материал поступил 04.10.10

Ключевые слова: жертва коррупции, жертва государственной коррупции, жертва корпоративной коррупции, материальный ущерб от коррупционного поведения, закономерности жертвоприношения коррупции, виктимология коррупции, антикоррупционная виктимология.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО – это специфическая форма реализации антикоррупционной политики ее субъектами, наделенными полномочиями по правотворчеству, в которой отражаются и закрепляются основные цели, идеи и принципы антикоррупционной политики в нормативных правовых актах.